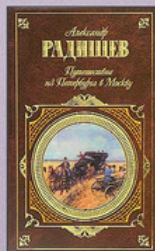

Александр Радищев

**Памятник
дактилохореическому
ВИТЯЗЮ...**

*Часть сборника
Путешествие из Петербурга
в Москву: Очерки.
Стихотворения (сборник)*

Александр Николаевич Радищев

Памятник

дактилохореическому витязю...

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172997
Путешествие из Петербурга в Москву: Эксмо; М.; 2007
ISBN 978-5-699-17907-7*

Аннотация

«Для дополнения стихотворного отделения моей библиотеки, вивлиофики, книгохранилища, книгоамбара, я недавно купил «Тилемахиду»; развернул ее некогда (для отдохновения от чтения торжественных песней), перебирал я в ней листы, – и нашел, к удивлению моему, нашел в ней несколько стихов посредственных, множество великое стихов нестерпимо дурных... нашел – подивитесь теперь и вы – нашел стихи хорошие, но мало, очень мало. В сию минуту вошел ко мне знакомый мой N... Он держал в руках «Жизнь моего отца» сочинения Коцебу...»

Содержание

Предисловие, предуведомление,	5
предъизъяснение, пред...и все тому подобное	
1	8
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

**Александр
Николаевич Радищев
Памятник
дактилохореическому
витаю, или**

**Драматикоповествовательны
беседыюноши с пестуном
его, описанные составом
нестихословныя речи
отрывками из ироическия
пимы славного в ученом
свете мужа NN поборником
его знаменитого творения**

Предисловие. предувеломление.

теки, вивлиофики, книгохранилища, книгоамбара, я недавно купил «Тилемахиду»; развернул ее некогда (для отдохновения от чтения торжественных песней), перебирал я в ней листы, – и нашел, к удивлению моему, нашел в ней несколько стихов посредственных, множество великое стихов нестерпимо дурных... нашел – подивитесь теперь и вы – нашел стихи хорошие, но мало, очень мало. В сию минуту вошел ко мне знакомый мой N... Он держал в руках «Жизнь моего отца» сочинения Коцебу. Мысль сверкнула в уме моем, и я предпринял, наподобие сказанной книги или несколько на нее похожее, начертать что-либо в честь впадшего в столь уничижительное презрение творца «Тилемахиды»; попросил я моего знакомого взять перо и писать то, что я ему сказывать буду, – а я, перебирая сначала листы сея тяжело-весныя пиимы, следующие произнес слова:

1. Вступление, «Тилемахида» на что-нибудь годится, ни на что не годится. 2. Дядька, буря, мельничная плотина, виноград в бочонке, поля, хрустальная лавка. 3. Сновидение, корабль на парусах, гора, хохолок, мышь, очи ясны, уста красны, се же, бурной и бурой, небесная планисфера, огненный змей, Никола Подкопай, наряды московские, алая телогрея, закусил язык, околица, Фалелеюшка, мой батюшка, овин, пророк Валаам. 4. Портрет Цымбалды, охота к женьитьбе, сечь лозою, Дон-Кишот, страшная пещера, подземная держава, кузница, как дураков дразнят, грязь, группа, дрянь, Лукерья, Енкелад, провались вставши, конец. 5. Вре-

мя, силлогисм in barbara, комментарии, с маху, ирой пчелы, странствование, надворный советник, глава и голова, петух, брысь, Зевес, узел, черти, Овидий, стал в пень и аминь. 6. Заключение, или Апология «Тилемахиды» и шестистопов.

Вместив все сии слова в VI номеров, или отделений, повествованием, из «Тилемахиды» извлеченным, дав всему некоторую связь и сделав несколько примечаний о шестистопных стихах российских, большим поэмам приличных, я составил следующую диссертацию, разыскание, разглагольствие, или... нечто, дрянь... или памятник. – Читатель! если ты раз хотя один улыбнешься, то цели моей я уже достиг.

1

Вступление

«Тилемахида» на что-нибудь годится, ни на что не годится.

Разговор Б. и П.

Б. Предубеждение твое против творца «Тилемахиды» чрез меру велико. Если ты рассудишь, что вымысел сея книги не его, что он отвечать не должен ни за ненужное и к иронической песни неприличное, ни за места слабые или растянутые... то о нем должно судить разве как о человеке, полюбившем страстно Фенелонова Телемака, захотевшем одеть его в русской кафтан, но, будучи худой закройщик, он не умел ему дать модного вида и для прикрасы обвесил его колокольчиками.

П. Но его нелепые стихи, переставление речи столь странное, столь глупое, столь смешное. — Невозможно подумать, чтоб книга сия на иное что годилася, как на завивальные бумажки или — на что пожелаешь.

Б. Согласен во всем том, что ты сказал, — да читал ли ты «Тилемахиду»?

П. Читал ли? Можно ли не ради смеха сделать такой вопрос? Или думаешь, что я хочу занемочь?

Б. Занемочь? Разве «Тилемахида» не может служить вме-

сто сиденгамова жидкого лаудана?

П. Нет, конечно. Она ни на что не годна, ниже от бессонницы. Правда, многие российские творения (а паче стихи) могут служить вместо усыпительного зелья, но не «Тилемахида».

Б. Могу и в том согласен быть с тобою. Но ты не читал ее и для того воздержись от решительного приговора и сентенции ее не подписывай, ибо (так говорит какой-то славной писатель), что нет столь худого сочинения, в котором бы не нашлось чего-либо хорошего.

П. Что может быть в «Тилемахиде» хорошее? И тому я не верю, чтобы ты в самом деле противное моему имел о ней мнение.

Б. Я истинно думаю, что она не вовсе бесполезна, – а если можно убедить, что она годится на что-нибудь такое, что доставить может удовольствие, если творец «Тилемахиды» заставит тебя улыбнуться, то венец ему уже готов.

П. Верить не могу, чтобы возможность была заставить с «Тилемахидою» улыбаться. Зевать заставишь, зевать до ушей.

Б. Зевать нас многие заставляют; но иная зевота бывает впору, кстати, иногда похожа быть может на улыбку, – но прочти следующее, потом станем опять говорить о «Тилемахиде».

2

Дядька, язык французский и чухонский, бирюльки, дичь, сказка, буря, роскошная жизнь, мельничная плотина, столпы и кумиры, виноград в бочонке, поля, хрустальная лавка, то есть лавка, где продают хрустальную посуду, зеленая постеля.

Летописи повествуют, что у Митрофана Простякова был меньший брат, не по росту, не по уму, но по рождению меньший, именем Фалелей; что матушка его, видя неудачу в воспитании большого своего сына, вместо няни Еремевны приставила к меньшему дядьку, которого назовем мы именем славнейшего из всех дядек – Цымбалдою; и что госпожа Простякова выгнала предварительно из дома своего всех учителей: Кутейкина для того, что он не знал гражданских письмен и что Цымбалда сам мог Фалелея учить грамоте; Цыфиркина для того, что нужды нет нimalой тому в арифметике, кто умеет считать на счетах; Вральмана (выгнали даже Вральмана!) для того, что сыну ее был случай учиться с меньшим иждивением всем наукам и языкам иностранным, хотя не по-французски, но все равно, языку древнего финского народа у пастора лютеранской церкви, где крестьяне Простякова были прихожаны.

Зане ведать надлежит, что Простяковы, избавляясь опеки (под которую отданы были за лютость поступков своих

с подчиненными их людьми властью правительства, о чем с «Недорослем» справиться можно), истребовали дозволения продать деревни и на вырученные за то деньги купили в Копорье мызу Наренгоф, где крестьян было половина русских, половина финнов, или чухонцев. Итак, известные людям своим обхождением с крепостными своими в одном углу Российского пространного государства, жили как добрые люди в другом углу, и, сравнивая обряды новые, которым они учились у своих соседей, с обрядами тех мест, где они жили, они находили (по мнению своему), что они оглашены в жестокостях несправедливо.

Фалелей был избалован, но не столько, как его большой брат. В куклы уже играть перестал, боялся лозы и своей матушки, которой родительская любовь не отымала еще охоту в нем к учению, не сделала его еще болваном совершенным, или, сказать точнее, не поставила его еще на стезе быть дураком или повесою. Цымбалда был дворовой человек г. Простякова, доставшийся ему по наследству. Он когда-то учился грамоте, не пил ни вина, ни водки... но лучшее в нем качество было его простодушие. Прежний его барин был также грамотей, имел несколько книг, которые читывал только в праздное время, занят будучи всегдашнею карточной игрою, но, незадолго перед своею смертью, все книги он проиграл, почитая за ненужное их взять с собою, опричь двух томов «Тилемахиды», которую ни в какой цене разыгрывать не хотели, бояся, что принесет – к тому, кому она достанется, –

в дом скуку несносную: столь велико было предубеждение к сему великому Творению. Итак, «Тилемахида» досталась Цымбалде. Он в доме Простяковых был доселе без должности (зане присмотр за певчими птицами и очищение их клеток важным именем должности нарицать нельзя, хотя и то правда, что рачение о чижах и щеглятах доставило ему звание Фалелеева дядьки); без должности Цымбалда, и в скуке почти, читал и перечитывал «Тилемахиду», выучил ее столь твердо наизусть, что если бы цензура строгость свою на нее простерла и чтение ее запретила, то он бы, как Кремуций Корд во время Тиверия-кесаря, сказать мог: «Запрети и меня».

Цымбалда читать мог то только хорошо и твердо, что читывал много раз, что, затвердивши, мог читать без книги; писать не иначе мог он как по линейкам, не иначе как имея всегда пропись пред глазами. Будучи пожалован в дядьки и профессора к Фалелею, обязан будучи учить его чему-нибудь и не зная ничего, опричь «Тилемахиды», он вознамерился преподавать наставления своему воспитаннику так, как то дельвали некоторые древние философы в Афинах, то есть преподавать учение в разговорах во время прогулки. Встретившись, таким образом, мыслию с Руссо и Базедовом, относительно изящности чувственного учения, он с новоманерным своим Эмилем ходил в ясные дни мая и июня гулять вдаль от дома, или когда ненастливая погода не позволяла им делать эмилеподобные представления по лесам, лугам и

нивам, то комната их превращалась в «Филантропину», где недоставало только Вольке и Базедова с их начальной или стихийною книгою и нужных для нее картин, а то бы мыза Наренгоф столь же прославилась в Европе, как и заведенное в Германии училище сими славными педагогами.

Некогда в один осенний день дождливый Фалелей с дядькою не выходил из комнаты своей никуда, и, наскучив играть долго в бирюльки (как употреблять должно бирюльки при чувственном воспитании, о том Цымбалда обещал издать в свет описание), Фалелей и Цымбалда легли спать ранее обыкновенного.

Полежав гораздо долго, повертевшись с боку на бок, Фалелей сказал:

– Дядька, а дядька!

Цымбалда.

Что ты, батюшка, почивать не изволишь? Завтра, кажется, день будет сухой, и дождь перестал; мы утром встанем пораньше и пойдем в рощу.

Фалелей.

Не спится, дядька, как ты хочешь. Дичь такая в голову лезет – скажи, пожалуй, мне сказку. Няня Еремевна брата Митрофана всегда усыпляла сказками: какое-то финисно ясно перышко, Фомка, Тимоня, Бова... Дядька! ты ведь читать умеешь. Пожалуй, расскажи, я засну скорее.

Фалелей.

Нет, дядька, в Москве вертепы носят деревянные. Пом-

нишь, мы видели о святках? Куда как хорошо!..

Цымбалда.

«Стены одеты младым виноградом, распускающим всюду гибкие свои отрасли...»

Фалелей.

(вскочив, сел на постели)

Дядька! попроси завтра у матушки винограда, я видел – привезли ей из Москвы целый бочонок; но мне она ныне не дает ничего, говоря: избалуешься так же, как Митрофан.

Цымбалда.

(продолжав)

«Животворны Зефиры блюли от солнечна зноя нежну прохладу. Тихо журча, текли ручьи по полям цветоносным и представляли струи вод чистых, как кристалы».

Фалелей.

Помнишь ли, дядька, как мы были в хрустальной лавке, но воды хрустальной я там не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.